

УДК 82-1/-9
ББК 83.3
(2РОС=РУС) 1-8 КОРОЛЕНКО В.Г.

А.Г. Беспалова

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
В ПУБЛИЦИСТИКЕ
В.Г. КОРОЛЕНКО**

Анализируются произведения В.Г. Короленко, в которых разоблачается дискриминационная национальная политика царского правительства, показывается роль прессы в распространении шовинизма и ксенофобии в России в конце XIX – начале XX в. Позиция писателя и публициста по национальному вопросу рассмотрена в процессе формирования, а также в тесной связи с передовыми традициями отечественной общественной мысли.

Ключевые слова: национальная политика, угнетение, национальная самоидентификация, вероисповедание, массовое сознание, ксенофобия, антисемитизм, равноправие, толерантность.

Беспалова Алла Григорьевна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой истории журналистики Южного федерального университета.
Тел.: (863) 264-47-88
E-mail: bespalovaa@mail.ru

В истории отечественной публицистики В.Г. Короленко нет равных по активности, масштабности и последовательности в борьбе с национализмом, с угнетением малых народов в России. Проблемы свободного развития наций, их равноправного сотрудничества в рамках полиэтнического государства, особенности национальных отношений на межличностном уровне волновали его в самых разных аспектах. В течение десятилетий он боролся с черносотенной травлей «инородцев», с репрессивной государственной национальной политикой, которая осуществлялась царской властью, а потом и большевиками. Его разоблачения национализма и как осознанной идеологии, и как стихийной жестокости на бытовом уровне принесли ему широкую известность и огромный авторитет среди самых широких слоев российской и зарубежной общественности. Публицистическим подвигом назвали современники выступление Короленко против антисемитизма. Исследователи единодушны в том, что его вклад в борьбу с великорусским шовинизмом и ксенофобией переоценить невозможно. «Самым ярким в русской литературе свидетельством огромной политики самодержавия» называет Л. Куканов знаменитый очерк Короленко «Дом № 13». [Куканов, 1973, с. 106]

То, что национальный вопрос стал одним из стержневых в журналистском творчестве Королен-

ко, часто затрагивался в художественных произведениях, не случайно. Дело не только в возросшей актуальности темы на рубеже XIX – XX вв., но и в особенностях личности Владимира Галактионовича, его целостном гуманистическом мировоззрении. Родившись в Житомире, где бок о бок жили русские, украинцы, поляки, евреи, Короленко уже в раннем детстве столкнулся с целым комплексом национальных противоречий. Необходимость идентифицировать себя с каким-то одним народом вызвала в юной душе смятение. Имея мать-полячку и отца с украинской кровью, он не понимал, почему людей нужно разделять по национальному признаку. Глубокую душевную боль испытал юный Короленко, когда под впечатлением событий польского восстания 1863 г. школьный товарищ-поляк не захотел с ним дружить, потому что он «москаль». Но были и такие, кто, наоборот, упрекал мальчика в том, что он сильно «ополячен», насмехались над его выговором. Одни учителя стремились развить в нем «русскость», другие – украинское самосознание. В «Истории моего современника» Короленко так описал свое чувство растерянности и тревоги: «Клубок был завязан тремя "национализмами", из которых каждый заявлял право на владение моей беззащитной душой, с обязанностью кого-нибудь ненавидеть и преследовать» [Короленко, 1976, с. 115]. Определение собственной национальной идентичности предполагает разделение, требует наличия «другого», а это «другое» на бытовом уровне большинством воспринимается как «худшее», враждебное. Необходимость противостоять кому-либо, только потому, что он иной по крови, сформировала активное отрицание национализма уже в период духовного становления будущего писателя и публициста.

В конце XIX и начале XX в. в массовом сознании представления о признаках нации были связаны в первую очередь с так называемыми объективными – биологическими, генетическими характеристиками. Короленко такое решение вопроса о национальной самоидентификации не устраивало, и он переносит его в субъективную, духовную плоскость. Его отечеством стала русская литература. Ни Россия как государство, на службе которого состоял его отец, ни польский язык, на котором он в детстве общался с матерью и прочитал первую книгу, ни место проживания – Украина, – ни один из этих факторов при ответе на вопрос «Кто я?» не стал решающим. Самоотнесение к русской национальности было вызвано осознанием общности, полным совпадением личных устремлений, личной совести и идеалов, которые формировали статьи Добролюбова, поэзия Некрасова, повести Тургенева. «Очарование националистского романтизма» ушло вместе с детством. «Разноплеменная душа» юноши нашла «свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература». [Короленко, 1976, с. 236] Это был выбор всего жизненного пути.

Политика натравливания одной нации на другую, которая широко применялась самодержавной властью для выпуска пара недовольства тяжелой ситуацией в стране, приносила свои плоды: в России все активнее проявляется антисемитизм. К тому времени, когда Короленко вошел в большую литературу и публицистику, так называемый еврейский вопрос стал одним из самых острых в российской общественной жизни. Юдофобия считалась чуть ли не обязательным признаком патриотизма. Бесправие и постоянные моральные унижения евреев воспринимались почти как норма. Либеральная пресса в большинстве своем молчала. На страницах реакционных изданий слепой, безрассудный антисемитизм толпы постоянно подогревался рассуждениями представителей «интеллигентного общества» об эксплуататорской сущности еврейства.

В 1890 г., стремясь привлечь внимание общественности к постыдной политике гонений на евреев, известный религиозный философ и писатель В.С. Соловьев написал «Декларацию против антисемитизма». Он предложил подписать текст документа наиболее авторитетным представителям литературы, науки, культуры. В числе 24 человек, поставивших свои имена под заявлением, наряду с писателем Л.Н. Толстым, академиком К.А. Тимирязевым, будущим лидером кадетов П.Н. Милюковым и др., был и Короленко. Он не мог не выступить в защиту угнетаемой нации, так как был убежден, что принципы справедливости и человеколюбия должны носить универсальный характер и распространяться на всех без исключения. Соловьев в письме Короленко объяснил, почему свое предложение адресовал именно ему: «...считаю лишним распространяться о том, насколько подпись самого талантливого из наших новейших художественных писателей необходима для полновесности этого заявления. А что вы сочувствуете его содержанию, за это ручаются, между прочим, ваши прекрасные «Павловские очерки», в которых вы так правдиво показали на живом примере всю фальшь антисемитизма» [Короленко, 1932 – 1936, т. 2 с. 16].

Упомянутые Соловьевым «Павловские очерки» стали первым крупным публицистическим циклом Короленко, который принес ему широкую известность. Показывая жизнь кустарного села Павлово в самых разных аспектах, автор затронул и тему взаимоотношений русских мужиков с евреями – скупщиками их продукции. В начале первого очерка «На скупке» Короленко приводит свой диалог с мастером-кустарем, «затейливым мужиком» Аверьяном, который при встрече сразу же спросил: «Не евреи ли будете?». Получив отрицательный ответ, он явно огорчился. Как выяснилось, евреям запретили торговать в Павлово. Свои сожаления по этому поводу Аверьян объясняет просто: «Он – еврей, за два процента десять верст пешком пробежит, а иным прочим народам пятнадцать процентов подавай, потому что мы на рысках ез-

дим». [Короленко, 1948, с. 552 – 553]. Для мужика-кустаря очевидно, что с евреями и торговать было выгоднее, и люди они трудолюбивые, не заносчивые. За это их конкуренты скупщики и возненавидели, потому и «запретили». Аверьян с обвинениями в адрес евреев не согласен: «А по-моему, никакого от них утеснения мастерам не было» [Там же, с. 552]. И еще не раз, встречаясь с жителями села, Короленко слышит вопрос, в котором звучит надежда: может, опять евреев допустили к торговле? Так, не разворачивая тему антисемитизма, не давая никаких собственных оценок, публицист подводит читателя к однозначному выводу: национальная вражда раздувается теми, кому это приносит выгоду. Несправедливые притеснения, дискриминация по национальному признаку – это сознательная политика властей, далекая от интересов простых людей.

В том же 1890 г., когда были закончены и опубликованы «Павловские очерки», Короленко написал лирическую сказку-притчу «Йом Кипур» («Судный день»), где идея равенства людей разных национальностей становится центральной. «Йом Кипур» – это художественный ответ юдофобам. Здесь ярко показаны не только самые типичные проявления антисемитизма, но вскрыты его истинные причины. Герой притчи – мельник из Новокаменки может спасти шинкаря Янкеля от нечистой силы, но не делает этого. Мельник понимает, что как христианин он должен помочь ближнему своему, однако корыстный интерес перевешивает моральные заповеди. Ради наживы, ради устранения конкурента легко заключается сделка с совестью – «моя хата с краю...». В итоге мельник, стремясь заработать как можно больше денег, потерял всякий стыд и своей аморальностью поразил даже чёрта. Вскрывающая лицемерие обвинений в адрес «жидов», Короленко проводит ту же идею, которая звучала в «Павловских очерках»: русский делец ничуть не лучше, а часто и хуже «эксплуататора» еврея.

Во время поездки Владимира Галактионовича в США в 1893 г. корреспондент газеты «New York Times» спросил его об отношении к преследованию евреев в России. Говоря об активном неприятии антисемитизма, публицист разъясняет свою позицию на примере сказки-притчи. Рассказав сюжет «Йом Кипура», Короленко подчеркнул, что если несправедливость преследования людей, не совершивших злодеяний, признается самим чёртом, у человека, христианина это вообще не должно вызывать сомнений. И в более поздних выступлениях, разъясняя свою позицию по еврейскому вопросу, публицист приводит в качестве примера сказку-притчу. В письме от 14 июня 1900 г. он подробно рассказывает, почему именно этот сюжет привлек его внимание: «Я родился и жил в юности в Западном крае, евреев знаю хорошо, с некоторыми из них меня соединяли отношения юношеской дружбы, с другими судьба сводила в трудные минуты жизни, и до сих пор я до-

рожу завязавшимися в то время крепкими товарищескими связями» [Короленко, т. 10, 1956, с. 299]. По словам Короленко, уже это сделало его «горячим противником всякой антиеврейской исключительности». Он убежден, что решать национальный вопрос можно только в борьбе с бесправием, угнетением народов, т.е. с причинами, истоками, «с самими явлениями, а не с их национальной или иной оболочкой».

Наиболее распространенный, типичный аргумент, который либеральные публицисты использовали в защиту гонимого народа, – среди евреев много хороших, выдающихся людей. Короленко идею равенства народов проводит через представления о плохом, о зле. Писатель не пытается опровергать доводы тех, кто считает, что «евреи сами виноваты», он показывает, что виновным может стать любой человек, вне зависимости от национальности и вероисповедания. Он убеждает, что зло не имеет национальных признаков, а разговоры об особых, специфических недостатках того или иного народа – это не более чем проявление стереотипов, распространенных заблуждений. Для него человек является самодовлеющей ценностью. Независимо от того, дала нация миру великих людей или нет, каждый ее представитель, любой живой человек имеет право на объективное и уважительное отношение к себе. В «Истории моего современника» Короленко описывает страшный сон, который приснился ему в 10-летнем возрасте. В этом сне друг-поляк собирался убить его друзей-русских. «Проснувшись в поту и с сильно стучавшим сердцем», он подумал, что главная причина страха за русских в том, что он сам русский. И далее Короленко пишет знаменательную фразу: «Но я ошибался. Это было только оттого, что они *люди*» [Короленко, 1976, с. 105]. Для истинного гуманиста первичен человек, это главный ценностный приоритет, а национальность – лишь форма бытования и самочувствования личности.

Поскольку царская цензура наложила запрет на публикацию «Декларации против антисемитизма», организатором которой выступил В.С. Соловьев, российская интеллигенция могла познакомиться с ней только по изданиям в Париже и Вене, куда она была переправлена. В 1903 г. в связи с погромами евреев в Кишиневе Короленко предпринял еще одну попытку предать ее широкой гласности. Под заглавием «Из переписки с В.С. Соловьевым» он послал в газету «Русские ведомости» материал, куда вошел и полный текст декларации, и комментарии с подробным описанием того, что происходило в процессе подготовки документа и после его подписания видными деятелями русской науки и литературы. Публицист пишет, что он полностью разделяет основные идеи коллективного заявления, которое объединило людей разных взглядов. Себя Короленко относил к кругу тех либералов, для кого «религиозная и национальная терпимость составляет органическую часть общего строя убеждений». В числе подписавшихся были люди,

для которых, как и для самого Соловьева, источником абсолютной морали служило христианство. Основываясь на христианских заповедях, Соловьев доказывал, что истинно верующий человек не может быть гонителем иудеев. Короленко всецело поддерживал эту аргументацию, «в которой было много силы и подкупающего обаяния», хотя для него самой исходной точкой в еврейском вопросе была не религия, а уважение к человеческому достоинству. Невзирая на разногласия по некоторым формулировкам, публицист не мог не подписать документ, в котором говорилось: «Признавая, что требования правды и человеколюбия одинаково применимы ко всем людям, мы не можем допустить, чтобы принадлежность к еврейской народности и Моисееву закону составляла сама по себе что-нибудь предосудительное <...> и чтобы относительно евреев не имел силы тот общий принцип справедливости, по которому евреи, неся равные с прочим населением обязанности, должны иметь таковые же права» [Короленко, 1990, с. 257].

В «Декларации» особо подчеркивалось, что национальная вражда «в корне развращает общество и может привести его к нравственно-му одичанию». Антисемитизм аморален в своей сущности, поэтому он страшен не только для евреев, но и для самих гонителей, ставит под угрозу будущее всей России. Эта мысль об опасности великодержавного шовинизма высказывалась представителями передовой русской мысли и до появления коллективного обращения к обществу. В частности, А.И. Герцен объяснил свою поддержку поляков во время восстания 1863 г. так: «Мы за Польшу потому, что мы за Россию». Защищая угнетаемые центральной властью малые народы, лучшая часть интеллигенции доказывала свой истинный русский патриотизм. И на протяжении многих лет практически во всех трудах Короленко, посвященных борьбе с шовинизмом и национальной ненавистью, тезис о том, что национализм представляет угрозу для всех, повторяется вновь и вновь.

Только через 19 лет после написания, в 1909 г., благодаря Владимиру Галактионовичу, «Декларация против антисемитизма» впервые появилась в открытой печати в России. К этому времени публицист уже считался одним из лидеров борьбы с воинствующим национализмом. Широкую известность как журналисту и общественному деятелю принесло ему участие в нашумевшем Мултанском деле, выступления против международного антисемитизма в защиту А. Дрейфуса, борьба с еврейскими погромами, разоблачение истязателя украинских крестьян Филонова и мн. др. Публицистическая деятельность «защитника инородцев», как называли Короленко и друзья, и враги, имела, по словам В.В. Беренштама, «громчайшее воспитательное значение для всей России» [Беренштам, 1922, с. 18].

Вскрывая причины распространения национализма в стране, публицист очень часто останавливается на особой роли прессы в разжигании вражды между народами. В частности, идет об этом речь и в его концептуальной статье «Несколько мыслей о национализме», которая была написана в 1901 г. Одна из центральных тем статьи – национальное достоинство каждого народа, его право на справедливое отношение к себе. Принадлежность к той или иной нации не может считаться ни заслугой, ни недостатком. «Национальность наша есть факт, так сказать, первичный, сопровождающий нас от рождения и налагающий на нас свой отпечаток, естественно, неизбежно и непосредственно. Мы русские потому, что родились в России, дышали от рождения ее воздухом, глядели на ее природу, выражали свои чувства звуками ее речи, первую свою любовь, и свой первый гнев, и все другие ощущения отдали русским же людям», – пишет публицист [Короленко, 1990, с. 257]. Уважать традиции своего народа, любить его культуру, язык – естественно, это, по выражению Короленко, здоровый национализм. Когда достоинства нации начинают выпячиваться в ущерб другим, когда даже недостатки прославляются, потому что они «свои», а достоинства других отрицаются, потому что они чужие, это свидетельствует о болезни общества. Как точно замечает публицист, «неладно со здоровьем человека, который слишком много говорит о своем желудке» [Там же, с. 234].

Автор подчеркивает, что «болезненный» национализм практически всегда идет рука об руку с ретроградством и реакционностью. Такая тенденция прослеживается не только в России, но и в других странах, в частности во Франции, что говорит о ее всеобщем характере. Закономерно поэтому, что «движение вперед, прогресс и общественное совершенствование всюду становятся в более или менее острые конфликты с воинствующим национализмом наших дней» [Там же, с. 234]. Анализируя природу этого явления, Короленко указывает, что истоки национализма нужно искать в политической и экономической сферах. Кичливое выпячивание национальной самобытности, даже пассивности, активизируется в те периоды, когда в стране начинают проявляться острые социальные проблемы. Вместо борьбы с подлинными причинами, осложняющими жизнь страны, многие начинают цепляться за «святые традиции», за «истинно русское», называя это патриотизмом.

По мнению Короленко, именно неприятие, боязнь только намечающихся перемен в русской общественной жизни привели известнейших журналистов, бывших либералов Каткова и Суворина к агрессивному национализму. Их благие намерения, передовые устремления в итоге превратились в свою противоположность. Еще одна закономерность, показанная публицистом на этом примере: как правило, именно пере-

бежчики из прогрессивного лагеря становятся самыми последовательными и яркими сторонниками ура-патриотического направления.

Автор не случайно в качестве образчика того, как передовые взгляды могут трансформироваться в реакционные, приводит «психологическую историю» видных деятелей русской журналистики Каткова и Суворина. Одна из основных проблем, поднятых в его статье, – неприглядная роль прессы в распространении национализма в общественном сознании. Считая печатное слово одним из самых сильных орудий движения «из тьмы к свету», он с горечью констатирует, что значительная часть русских газет и журналов занята раздуванием страстей и под видом истинного патриотизма занимается пропагандой его суррогата – национализма.

Короленко подробно анализирует причины этого явления. Он вскрывает психологические пружины поведения массовой аудитории. Ей льстит то, что ее варварские представления журналисты поддерживают, «ловко, красиво, умело и даже чувствительно развертывают их в целые фельетоны, передовицы, рассказы, изукрашая их стилистическими цветами и даже глубокомысленными историческими и иными соображениями» [Короленко, 1990, с. 236]. Толпе нравится, когда с ней соглашаются, поэтому она с удовольствием читает такую прессу и «рукоплещет ей».

Мотивы действий журналистов, как считает Короленко, аналогичны. Борьба с предрассудками трудно и результаты малозаметны, поскольку массовая аудитория в большинстве своем не хочет читать «неудобные» для нее материалы. Легче поддаться доминирующим настроениям и, эксплуатируя их, добиться широкой популярности. Вместо борьбы за будущее, борьбы с «предрассудками и закоренелыми привычками» толпы, которые тянут страну назад, так называемая «патриотическая печать» цепляется за уже готовые рефлексy, вроде «вся англичанка гадит» или «жиды Христа распяли», и начинает активно их развивать. Публицист считает, что даже не столько финансовые доходы от высоких тиражей привлекали Каткова и Суворина, когда они поворачивали свои ладьи совсем «не туда, куда влекли вначале и мечты, и взгляды, и желанья». Главное – признание, слава, легкость, с которой можно стать властителем дум.

В отличие от малообразованной толпы, сотрудники печати не могут не понимать пагубность этого пути, поэтому они несут ответственность за последствия своих действий – за раздувание великодержавного высокомерия, провоцирование погромов и любых межнациональных конфликтов. В заключение Короленко подчеркивает: ходкая монета национализма, которую так широко начали разменивать ура-патриоты от журналистики, лишь внешне напоминает подлинную любовь к ро-

дине, а на самом деле она не только не новая, но «загрязненная и часто окровавленная».

Перед собой, как представителем журналистской профессии, которую уважал и любил, он всегда ставил самую высокую нравственную планку. Он считал, что пресса должна давать пример не только толерантности, отсутствия враждебности по отношению к представителям какой-либо национальности, но и защищать угнетаемых. Естественно, взгляды Короленко по национальному вопросу менялись, но это была глубинная эволюция идей и представлений о национализме – его сущности, корнях, формах проявления. Незыблемым оставалось абсолютное неприятие ксенофобии и шовинизма, любого неравенства людей, что закономерно вытекало из общей гуманистической константы его мировоззрения.

Литература

1. *Беренштам В.В.* В.Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922. С. 18.
2. *Короленко В.Г.* История моего современника. Т. 1-2. Л., 1976.
3. *Короленко В.Г.* Избранные письма в 3 т. Т.2. М., 1932 – 1936.
4. *Короленко В.Г.* Павловские очерки // *Короленко В.Г.* Избр. произведения. М., 1948.
5. *Короленко В.Г.* Собр. соч. в 10 т. Т. 10. М., 1956.
6. *Короленко В.Г.* Собр. соч. в 5 т. Т. 3. Л., 1990.
7. *Куканов Л.* Творческая история очерка В.Г. Короленко «Дом № 13» // Журналистика. Вып. 2 (4). Алма-Ата, 1973.